

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

А.В. Баликов

Сибирский университет
потребительской кооперации,
Новосибирск

Benway1969@yandex.ru

Современное состояние социальных отношений в мире вышло на новый этап, характеризующийся высоким уровнем фрагментации. Глобальные последствия влияния деконструктивных социальных механизмов заставляют по-новому взглянуть на те понятия, которые еще десять лет назад наполнялись совершенно определенным содержанием. Теперь же в это содержание привносятся (инвестируются) значимо новые смыслы, отражающие изменения качества социальных реалий. В данной работе речь пойдет о новых измерениях колониализма и о том, в какой степени это понятие актуально для российской действительности.

Ключевые слова: государство, социальный порядок, управление, деспотия, развитие.

Побуждением к написанию *этой* статьи явилось суждение автора *другой* статьи, опубликованной в одном из сборников научных трудов. Автор утверждал следующее: «Россия – это социальное государство».

Разумеется, ни на секунду не согласившись с этим утверждением, ваш покорный слуга задумался над тем, а что такое вообще социальное государство и где оно вообще есть или, по крайней мере, может быть.

Поскольку количество и содержание мыслей, высказанных различными авторами относительно государства, настолько велико и разнообразно, что всю эту сумму мнений, как и сумму векторов движения всех частиц во вселенной, можно смело приравнять к нулю и, не претендуя на оригинальность, попытаться последовать элементарной логике наивного эмпирика.

Начнем с того ясного осознания, что мы не можем назвать ни социальным го-

сударством, ни государством вообще *любой* социальный порядок, потому что *всякая* социальность упорядочена. Иногда, или даже чаще всего, она куда более строго упорядочена *без* государства. Государство и социальный порядок это всегда *полные* противоположности, простейшее доказательство тому – неперемный социальный хаос, возникающий даже не в уже рухнувшем, а просто в ослабевшем государстве, и тот жесткий и порой жестокий многоуровневый порядок, который всегда свойственен малым сообществам, обитающим в естественной (племя) или в близкой к естественной среде (крестьянин). Поэтому любое утверждение о том, что развитие государства являет собой некий *социальный* прогресс, – миф как минимум и полный абсурд как оно есть. Социальный прогресс – это всегда центробежная тенденция.

Государство – это не объект и не структура, это прежде всего – *действие*. Причем и действие, и ограничение это-

го действия *пространственными границами* в одном смысле одновременно. Объекты и структуры глубоко вторичны, они порождены *действием «государствования»* – по сути понимаемого очень просто, как *владением людьми и территорией* со всеми ее богатствами определенным человеком или «государем», удерживающим все это с помощью институционализированной силы. Уже это вполне логичное понимание государства делает его чем-то противостоящим действительному социальному порядку, если, конечно, мы не попадаем под обаяние крайне лживой и ангажированной концепции Гоббса и не менее симулятивных фикций Спенсера. В противоположность пропагандистским теориям озвученных мыслителей человеческое общество не развивается от хаоса к порядку, но, наоборот, от истинного социального порядка, регламентированного тысячами установлений для каждой значимой сферы человеческой жизни, от тесно сплоченного и структурированного коллектива оно уходит в сторону гигантской, крайне разобщенной малоуправляемой и маргинальной человеческой массы.

Мне могут, разумеется, возразить, мол, государство, конечно же, разрушает этот порядок, но создает новый – более совершенный и справедливый. Но это возражение – не более чем заблуждение или намеренная ложь. Суть любого государства – это разрушение истинных, исторически сложившихся человеческих отношений и установление фиктивных и/или симулятивных связей, замкнутых только на *один полюс* социального взаимодействия – на некий абстрактный «порядок»: идею державности, государственности как некоего абсолюта общественной жизни, вбирающего в себя все малые коллективы и растворя-

ющего эти коллективы в поле идеологического *диссоциативного* воздействия, разумеется, густо замешанного на тоталитарно религиозном или корпоративно-кодексном основании. Этот «порядок» пытается в абсолюте прямо подменить, в меньшей степени – опосредовать или хотя бы *регулировать* действительный социальный порядок, причем не для общественной пользы, а как *силовой инструмент* каких-либо элит. Государство есть институт неэквивалентного социального обмена, заявляемый как полная противоположность своей сущности, то есть как институт реализации социальной справедливости. Это мы в разных трактовках и содержании, но одинаковом механизме захвата и узурпации читаем и у Платона, и у Аристотеля, и у Н. Макиавелли, Д. Юма, К. Маркса и т. д. Государство – это не часть общества, это его паразит, вся история развития управленческих, властных, корпоративных и неокорпоративных структур – прямое подтверждение тому. Нет необходимости вдаваться в навязчивое цитирование или пускаться в пространные исторические экскурсы, мы можем просто поставить рядом два термина – «государство» и «общественное самоуправление», чтобы оценить гигантскую степень их принципиальной нетождественности ни в современном мире, ни тем более в прошлом.

Государство – это *не управленческий* институт, это институт *власти*. Управление как некая рациональная организация общественной жизни является здесь только *инструментом*. Управление – это всегда эффективное вложение ресурса в эффективное действие преобразования. Власть – это всегда *концентрация, присвоение* ресурса, и любое, даже рациональное, действие власть осуществляет с целью еще большей

концентрации самой себя в какой-либо государственной форме. Следовательно, *любое* государство есть *деспотия*, не в смысле того, что оно есть принуждение или насилие, в до- или внегосударственных формах жизни может быть не меньшим, а большим, чем в условиях «цивилизации», а в смысле того, что государство – это бессознательное и системное стяжательство в его абсолютной форме. Бессознательное даже не в этическом, а в чисто *социальном* контексте – потому что безликое, организованное и всегда идеологически камуфлированное. Цель обезличивания, установления примата организации и идеологического обоснования всегда заключается в том, чтобы вывести совесть, как мощнейший и естественный регулятор социальности, из оборота человеческого взаимодействия и заменить ее более короткими и, следовательно, легко заменяемыми и легко управляемыми ментальными репрезентациями. Это ясно – любые государства, которые мнят себя *социальными*, на самом деле являются государствами высокого уровня индивидуалистического *потребления*, но даже и этот уровень жизни обеспечивается жесточайшей эксплуатацией внешней дешевой рабочей силы – китайской, индийской, тайской или любой прочей бедноты. Россия в этом смысле – куда более социальное государство, с тем лишь отличием, что кроме внешне-маскированного рабства в России широко развито внутреннее, причем развито практически до колониального статуса. Не вызывает сомнения тот факт, что государство, использующее для поддержания высокого уровня жизни практически рабский труд, неважно в какой части Земли, никак нельзя назвать социальным, потому как высокий уровень потре-

бления и социальной защиты *здесь* формируется за счет ограбления трудовых масс *там*.

Теперь посмотрим, чем социальное государство *не может быть* ни в коем случае.

Первое. Социальное государство не разделяется на властную вертикаль и массы. Совершенно при этом неважно, (псевдо)выборная вертикаль или нет. Сам по себе факт противопоставления государства и всех остальных, даже если это противопоставление существует только в головах людей, уничтожает всякое легитимное (социальное) государство и превращает его в *деспотию*. Иными словами, легитимация такого государства есть чисто фрейдовская легитимация отца, внушающего страх, но при этом кормильца и защитника. Это может быть и тирания, и деспотия созависимости, но государство здесь отсутствует. Ближайший пример – Россия. Россия – не только не социальное государство, но и негосударство вообще. Страна – да, государство – нет. В нашем случае мы имеем самую злокачественную инфраструктурную деспотию колониально-паразитического толка, со всеми «приличествующими» атрибутами: трудовым рабством, экономической эксплуатацией всех возможных ресурсов, направленной маргинализацией населения и уничтожением социального потенциала производительного труда и любых ростков альтернативной экономики, очень резким разделением элит и «аборигенных» масс, полностью отчужденных от политического и (само) управленческого процесса. То есть в современной России Государство-отец существует целиком и полностью в известном образе Иудушки Головлева. Социальное же государство в своем абсолюте во-

обще исключает элитарность и аппаратность. Здесь не Людовик XIV, а любой гражданин не только имеет полное право, но ко всему прочему *обязан* и произносить, и полагать, что Государство – это *он*. Социальное государство – это парадоксальным образом *атрофирующееся* государство – от «государения» к коллективу, а точнее – к кооперативу.

Второе. Социальное государство не является государством, которое кормит бедных. Кормить бедных – значит поощрять бедность и иждивенчество. Бедный человек – это всегда *лишний* человек. Верно и наоборот, лишний человек – это всегда *бедный* человек. Бедный человек – это всегда маргинал. А значит, социальное государство – это в первую очередь государство, контролирующее и регулирующее рождаемость. Увеличение количества населения не является бенефактором развития страны. Населения не должно быть много, его должно быть ровно столько, сколько необходимо, и не более того. Важнейшим вопросом современной эпохи является *качество* населения. Разумеется, экономическим и политическим элитам выгодно большое количество легко взаимозаменяемых дешевых рабочих рук и управляемого электорального материала, поэтому *любое* государство всегда ставит во главу угла вопрос о *количестве* населения вплоть до того момента, пока перенаселенная и нищая страна не подходит к границе социальной пропасти (Индия, Китай, страны Латинской Америки). Но мы очень ясно видим, что следование экономическим и политическим интересам элит – это *всегда* путь к деградации общества и тем более путь прямо *от* социального государства, которое по своей сути вообще не предполагает наличие элит. А значит, государство сознательно должно идти на огра-

ничение количества граждан, но в потенциал этого ограниченного количества оно должно инвестировать все возможные ресурсы. То есть социальное государство – это *евгеническое* государство.

Но помимо бедноты социальное государство должно еще с большим рвением исключать из своей среды *сверхбогатых* людей, а также любых рантье, поэтому общество должно стремиться к тому, чтобы сверхбогатых и праздных людей попросту не существовало, причем это «несуществование» вовсе не реализуется в карательных формах. Общество в условиях социального государства не должно допускать ни частного землевладения, ни владения ископаемыми, ни владения *системными* объектами инфраструктуры – энергетикой, железнодорожным и авиатранспортом, банковской системой – в первую очередь. Суть не в классовой ненависти к людям, включенным в список Forbes, а в том, что каждый из таких людей есть вершина и основание соответствующей монопольной структуры, узурпирующей право на регулирование той или иной сферы социальной, политической, научной жизни и, в особенности, медиапространства. Социальное государство должно исключать любое значимое *личное* влияние на социальный порядок, что опять же не означает обезличивания отдельного индивида. Наоборот, герой и тем более вождь всегда появляются там, где все остальные, прямо скажем, являются собой ведомую толпу. Между тем на первых ступенях развития человеческой цивилизации быть вождем означало постоянно подвергаться смертельной опасности не только со стороны внешних врагов, но в первую очередь со стороны своих же соплеменников в случае своего «служебного» несоответствия. Вождя ничтоже сумняшеся могли

низвергнуть и еще с меньшими сомнениями могли убить. Причем та же участь ожидала племенных идолов и богов.

В просвещенном социальном государстве не может быть никакой необходимости в *значительном* личном влиянии. Это не миф, сравните поведение населения во время стихийных бедствий в США (Новый Орлеан, ураган Катрина) и в Японии (цунами и катастрофа на атомной станции «Фукусима»). Мы все знаем Матросова и Гастелло, но кто помнит имена многочисленных японских камикадзе, обрушивающих свои самолеты на корабли врага? Ответ здесь только один – герой случается только там, где он – *исключение*. В социальном государстве героизм и логически проистекающее из этого возможное крупное влияние личности на социальный порядок практически исключены, что опять же не говорит о том, что социальное государство исключает авторитет вообще.

Социальное государство – это не государство, стремящееся наполнить жизнь своих граждан излишним комфортом, но совершенно наоборот – оно должно лишить их *всякого* комфорта. Вместо индивидуальной роскоши необходимо культивировать *общественную* роскошь. Дело совершенно не новое, тем более в самом богатом ресурсами государстве мира. Комфорт всегда вызывает стремление к большему индивидуальному комфорту, а последнее всегда нарушает социальный порядок и социальные взаимоотношения, расслаивая общество по имущественному признаку. Но социальное государство может допускать только один вид расслоения – по профессиональному признаку. Любое государство, допускающее существование *каких-либо* элит, – немедленно перестает быть социальным, даже если оно осыпа-

ет каждого праздного бедняка дождем нефтяных подачек. На примере восточных нефтяных держав мы видим, во что в одночасье превращаются такие государства – в пыль и хаос, а «государственный отец» прямым ходом отправляется на виселицу. Этому оказывается неспособным противостоять даже такой цемент, как религия, и даже такая, как ислам.

Социальное государство – это *просвещенное* государство, в ряду отрицаний делаем утверждение. Образование и просвещение, притом не ангажированные какой-либо идеологией или элитой, всеобщие и обязательные для каждого гражданина *в течение всей его жизни*, вообще есть основа социального государства. Не случайно все узурпаторы в первую очередь дискредитируют историю, армию, правоохранение и образование, культура уже рухнет вслед за этим. Но из этих четырех столпов – образование есть важнейший, это просто и понятно. Даже в условиях правового беспредела, распада армии и деградации культуры, даже *очаги* приличного образования способны к воспроизведению движущих сил общества. Образование и профессионализм есть *первейшая* обязанность любого члена социального государства.

И, пожалуй, последнее: социальное государство – *не экономическое* государство, в том смысле, что оно не стремится ни к максимизации государственной прибыли, ни к максимизации индивидуальной прибыли. Мы видим, что образование и квалификация на определенном этапе расходятся с максимизацией прибыли и производство выносятся в районы рабского труда. Но социальное государство не существует в условиях использования рабского труда, его главная задача – социальное развитие, а такое развитие и максимизация прибыли –

полные, *полярные* противоположности. Мы видим, что технический прогресс в XX веке в большей степени свойствен не демократическим, а тоталитарным державам – лидерами среди которых были Германия и СССР, плодами образования и творчества которых пользовался весь остальной, так сказать, «цивилизованный» мир, въехавший в космическую эру на идеях Циолковского и немецких ракетах. Сейчас наибольшую динамику демонстрирует Китай. До этого – Япония. То есть рынок и революции в НТП вовсе не *близнецы-братья*, как это пытаются нам зачастую представить. НТП возможен либо за счет *подвижников*, либо за счет *элит*, чьи цели *всегда* простираются

далеко за рамки экономических соображений.

Таким образом, учитывая все вышеперечисленные факторы, можно с полной уверенностью утверждать не только то, что в мире не существовало и не существует государств, которые можно было бы назвать социальными, но и то, что пока такое государство является либо полной утопией, либо пропагандируемой фикцией. Россия же в этом аспекте со своей древнеегипетской идеологией и такой же системой власти и управления может быть названа «социальным государством» только с изрядной долей здорового юмора.